
ВИКТОРИЯ СЕВЕРИНА
РАЗВОД:
Я С ТОБОЙ ОСТАЛСЯ
ТОЛЬКО РАДИ ДЕТЕЙ

Виктория Северина

Развод: я с тобой остался только ради детей

«Литнет»
2026

Северина В.

Развод: я с тобой остался только ради детей / В. Северина — «Литнет», 2026

— Я с тобой остался только ради детей. Теперь они выросли, Марина, и я наконец хочу быть счастливым.Муж произнёс это за праздничным столом, который я накрыла в честь окончания университета нашей дочерью. Двадцать восемь лет брака закончились между его тостом и моей попыткой понять, почему сын даже не удивился.Оказалось, для меня уже выбрали маленькую квартиру. Наш дом муж собирался оставить себе и любовнице, а мою работу в общем деле назвал обычной помощью жены. Ему хотелось, чтобы я ушла тихо, поблагодарив за годы, которые он якобы принёс мне в жертву.И самое страшное — я ещё надеялась его вернуть. Пока одна ночь с ним не показала, на что он готов ради моего согласия.Он уверен, что без него я пропаду. Но однажды ему самому понадобится место в моей новой жизни — и просить об этом придётся при свидетелях.

© Северина В., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. За что ты предлагаешь выпить 5
Глава 2. Ты уже выбрал мне квартиру 15
Глава 3. Ты обещал начать сначала 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Глава 1. За что ты предлагаешь выпить

Марина в третий раз переставила вазу с цветами и наконец отнесла её на подоконник. Лилии пахли слишком сильно, заглушая запах горячего мяса, а длинный лист всё время ложился на Лизину тарелку, оставляя на белом фарфоре влажную полосу. Дочь непременно начала бы вертеть вазу, отодвигать, задевать локтем, и Марина уже заранее слышала её возмущённое: «Мам, ну зачем нам за ужином целый ботанический сад?» Она улыбнулась этому ещё не прозвучавшему замечанию, протёрла тарелку чистым полотенцем и посмотрела на часы. До половины седьмого оставалось двадцать минут. Мясо пора было вынимать, картошку — посыпать зеленью, а самой ещё предстояло переодеться, потому что на домашней футболке темнело пятно от вишнёвого сока.

На холодильнике, прижатая магнитом, висела фотография, которую Лиза прислала сразу после вручения диплома. Марина успела распечатать её по дороге домой, пока в соседнем магазине собирали заказанный букет. На снимке дочь стояла возле университетских ступеней, прижимая к груди синий диплом, и смеялась, зажмурившись от солнца. У неё съехала с плеча лямка сумки, на запястье болталась чужая резинка для волос, а белая рубашка, которую они вместе выбирали неделю назад, успела помяться. Марина смотрела на эту рубашку и опять испытывала ту странную, щемящую радость, с которой утром поправляла дочери воротник перед фотографированием. Двадцать два года. Кажется, совсем недавно Лиза отказывалась идти в первый класс без маленького плюшевого зайца, а сегодня уже отмахивалась от материнских рук и просила перестать её причёсывать.

Олег на вручение не успел. Позвонил, когда они с Лизой выходили из университетского двора, поздравил дочь и сказал, что ждёт их вечером. Марина не стала портить день упрёками: за последний месяц у него накопилось много дел, а сегодняшнюю встречу с кем-то из поставщиков назначили заранее. Она и сама столько лет работала рядом с мужем, что привыкла учитывать чужие задержки, переносы и обещания перезвонить через пять минут. Их небольшая компания давно кормила семью, позволила построить этот дом, дать детям образование, помочь им начать самостоятельную жизнь. Теперь, когда Антон жил отдельно, а Лиза уже второй год снимала квартиру с подругой, Марина всё чаще ловила себя на приятной мысли: наконец можно немного замедлиться. По вечерам не торопиться, в выходные уезжать куда-нибудь вдвоём, осенью выбраться к морю.

О море заговорил сам Олег, и именно поэтому Марина держалась за эту мысль с почти девичьим волнением. Несколько дней назад он застал её на кухне, когда она просматривала фотографии гостиниц, наклонился к экрану и заметил, что осенью действительно надо бы съездить отдохнуть. Потом положил ладонь ей на плечо, провёл большим пальцем возле шеи и спросил, когда она в последний раз купалась в тёплой воде. Марина тогда засмеялась, напомнив их поездку шестилетней давности, когда Лиза обгорела в первый же день, а Антон потерял телефон. Олег тоже улыбнулся. Она закрыла страницу, чтобы не начинать немедленно выбирать даты и не спугнуть его желание, но вечером всё-таки сохранила две гостиницы в закладки. С тех пор иногда открывала их перед сном, представляя, как они будут завтракать на открытой террасе.

Из духовки пахнуло горячим жиром и розмарином. Марина обернула ручки формы полотенцем, вытащила мясо и едва не задела предплечьем раскалённый край. На коже тут же выступила красная полоска, которую она сунула под холодную воду, сердито выдохнув сквозь зубы. Ну вот, ещё ожога ей сегодня не хватало. Она выключила кран, осторожно потрогала больное место и услышала наверху шаги мужа. Олег вернулся около часа назад, поднялся переодеться и с тех пор почти не появлялся. Марина подумала, что хорошо бы попросить его отнести на стол тяжёлое блюдо, иначе она снова начнёт хвататься за всё сразу.

- Олег, ты спустишься? — позвала она, высунувшись из кухни в коридор. Голос получился громче, чем хотелось, и Марина невольно посмотрела на открытую дверь террасы, словно дети могли уже стоять там и услышать её командирский тон. — Мне нужно мясо переложить, а потом я пойду переоденусь. Только не забудь подставку, пожалуйста, она в нижнем ящике.

Муж появился на лестнице в светлой рубашке, застёгнутой почти до самого ворота. Марина отметила, что он побрился, и почему-то обрадовалась: значит, тоже воспринимает сегодняшний ужин как настоящий праздник. Олег спустился, посмотрел на накрытый стол и поправил вилку возле своего места, положив её ровно по краю салфетки. Потом прошёл на кухню, откуда вскоре донёсся звон посуды. Марина задержалась в дверях, наблюдая, как он берёт двумя руками большое блюдо, которое обычно доставали только по особым случаям. За последние дни муж несколько раз вот так помогал ей без раздражения и привычного вопроса, нельзя ли сделать это потом. Ей хотелось верить, что они оба устали жить на бегу и наконец вспомнили друг о друге.

- Ты столько всего приготовила, будто человек десять придёт, — сказал Олег, ставя мясо на стол. Он оглядел салаты, закрытые прозрачными крышками, хлебную корзину и маленькую вазочку с Лизиными любимыми маслинами. — Мы же свои, Марин. Можно было проще сделать. Вино где у нас?

- В холодильнике, на нижней полке, — ответила она, снимая с запястья резинку, которой собиралась перехватить волосы. Замечание о количестве еды её слегка задело, хотя произнесено было без явного недовольства. — Лиза просила мясо именно так запечь. Антон любит этот салат. Мы давно все вместе не ужинали, мне захотелось нормально накрыть. Ты пока открой бутылку, а я быстро.

Наверху Марина сняла домашнюю футболку и некоторое время стояла перед открытым шкафом, перебирая вешалки. Нарядное платье показалось слишком торжественным, строгая блузка напомнила о работе, и она выбрала тонкое синее платье, которое Олег когда-то похвалил за цвет. Оно сидело чуть плотнее, чем раньше, но ткань приятно ложилась на плечи, а рукава закрывали красную полоску на руке. Марина подкрасила губы, провела пальцами по волосам и наклонилась к зеркалу, разглядывая мелкую складку возле рта. В сорок девять лет такие складки уже никуда не исчезали, сколько ни высыпалась по выходным, однако сегодня ей совсем не хотелось сердиться на своё отражение. Она надела серьги и улыбнулась себе, проверяя, не слишком ли яркой получилась помада.

Когда Марина спускалась, входная дверь уже открылась и в прихожей зазвучал Лизин голос. Дочь приехала с небольшой сумкой через плечо и пакетом, из которого торчал край коробки с тортом. Она сразу поставила всё на пол и обняла мать так крепко, что серьга неприятно прижалась к щеке. Марина погладила её по спине, вдохнула знакомый запах шампуня и задержала возле себя на несколько секунд дольше обычного. Лиза была тёплая, торопливая, немного уставшая после длинного дня. В её объятиях ещё сохранялась та детская безоглядность, которая появлялась редко и каждый раз заставляла Марину забывать обо всех накопившихся заботах.

- Мам, ты красивая, — сказала Лиза, отступая на шаг и рассматривая её платье. Она улыбнулась, затем заметила полотенце, оставленное на перилах, подняла его и протянула матери. — Только ты опять, наверное, с утра у плиты. Я же просила просто посидеть. Мы с Аней торт забрали, она передаёт тебе привет и сказала, что завтра меня раньше обеда не ждёт.

Марина забрала полотенце и спросила, останется ли дочь ночевать. Лиза кивнула, объяснив, что взяла вещи и очень хочет утром спокойно выпить с мамой кофе, пока никто никуда не торопится. От этого простого обещания стало особенно хорошо. Марина уже представила пустую воскресную кухню, Лизу в старой домашней майке, её босые ноги на соседнем стуле и неторопливый разговор обо всём, что обычно приходилось вмещать в короткие телефон-

ные звонки. Дочь тем временем заглянула в гостиную и сразу заметила своё место возле окна. Она провела ладонью по спинке стула, словно проверяла, действительно ли всё осталось как прежде, после чего пошла здороваться с отцом.

Олег обнял её, поцеловал в висок и попросил показать диплом. Лиза достала его из сумки, раскрыла и начала объяснять, где лежит приложение с оценками. Марина задержалась в нескольких шагах, наблюдая за ними. Муж слушал, склонив голову, а дочь говорила быстрее обычного, возвращаясь к смешным подробностям церемонии: у кого-то сломался каблук, кто-то перепутал очередь, преподаватель, которого все боялись, неожиданно обнял половину выпуска. Олег несколько раз улыбнулся и похлопал Лизу по плечу. Марине стало жаль, что он пропустил утреннюю церемонию, но она решила вечером переслать ему все фотографии. На одной из них дочь стояла рядом с ней, и обе смеялись, потому что ветер всё время бросал Марине волосы в лицо.

Антон приехал последним, принёс сестре цветы и сразу спросил, можно ли что-нибудь перехватить до ужина. Марина привычно отправила его мыть руки, а он, проходя мимо, поцеловал её в щёку и потянулся к стоявшей на кухонном столе тарелке с нарезанным мясом. Она хлопнула его полотенцем по пальцам, не попав как следует, и Антон рассмеялся. Он был выше отца, носил короткую стрижку и в последние годы всё чаще говорил с той же уверенной неторопливостью, которая когда-то так нравилась Марине в Олеге. Иногда мать слышала в сыне знакомые интонации и испытывала тихую гордость. Антон работал рядом с отцом, учился принимать решения, спорил с ним, но в глубине души по-прежнему считал его человеком, который лучше знает, как устроена жизнь.

- Диплом хоть настоящий? — спросил он у сестры, когда вернулся с кухни, вытирая руки бумажным полотенцем. Лиза тут же попыталась стукнуть его букетом по плечу, но вовремя вспомнила, что помнёт цветы. — Я же должен проверить, за кого сегодня пью. Вдруг ты четыре года просто красиво уходила из дома с рюкзаком, а сама в кафе сидела.

- Мне есть чему у тебя поучиться, — ответила Лиза, забирая у отца диплом и прижимая его к груди. Она с удовольствием включилась в привычную перепалку, вытянув подбородок точно так же, как делала в детстве. — Ты вообще однажды целую неделю рассказывал, что ходишь на дополнительные занятия. А потом мама встретила твоего преподавателя, и выяснилось, что он в отпуске.

Антон запротестовал, заявив, что сестра всё путает и неделя там была неполная. Марина слушала их, расставляла блюда и ловила себя на желании подольше сохранить этот шумный, обыкновенный вечер. Олег отнёс цветы в кухню, вернулся с открытой бутылкой и начал наполнять бокалы. Дочь убрала диплом на подоконник возле лилий, Антон отодвинул стул, помогая матери пройти к её месту. За окном ещё было светло, на террасе медленно шевелилась занавеска, которую Марина повесила в мае, когда стало тепло. Из сада доносился звук соседской газонокосилки, и кто-то за забором звал ребёнка домой. Всё вокруг оставалось настолько знакомым и спокойным, что Марина даже позволила себе на минуту перестать следить, всем ли хватает еды и удобно ли стоят тарелки.

Она села между мужем и дочерью, расправила платье на коленях и положила ладонь возле бокала. Антон потянулся за хлебом, Лиза спросила, кто всё-таки уговорил мать приготовить два салата, а Олег поднял руку, останавливая разговор. Марина ожидала обычного поздравления, каких за двадцать восемь лет слышала немало. Муж любил говорить за семейным столом, особенно когда повод позволял напомнить детям о пройденном пути. Раньше она иногда поддразнивала его за торжественность, но сегодня решила выслушать до конца. Лиза заслужила свой вечер, а Олег имел право гордиться дочерью, даже если утреннее вручение прошло без него.

- Давайте сначала за нашу выпускницу, — сказал он, подняв бокал и посмотрев на Лизу. Она сразу перестала улыбаться брату и повернулась к отцу, ожидая поздравления. — Ты

молодец. Справилась, закончила, получила своё образование. Теперь перед тобой нормальная взрослая жизнь, и я надеюсь, ты сумеешь ею распорядиться. Мы с мамой для этого сделали всё, что могли.

Марина тоже подняла бокал. Ей хотелось добавить, что они любят дочь, что гордились ею задолго до диплома и будут гордиться независимо от первых рабочих успехов, но Олег продолжал говорить. Он вспомнил, как начиналась их компания, как приходилось экономить, отказываться от отдыха, вкладывать заработанное в работу. Антон слушал внимательно, время от времени кивая. Лиза держала бокал обеими руками и смотрела то на отца, то на мать. Марина машинально отметила, что дочь опять грызёт губу, и собралась тихонько коснуться её локтя, напоминая об этой привычке, но удержалась. Сегодня Лизе полагалось чувствовать себя взрослой хотя бы за собственным праздничным столом.

- Я всегда понимал, за что отвечаю, — продолжал Олег. Он говорил ровно, без обычных шуток, и Марина уже начала думать, что тост затянулся. — За дом, за вас, за то, чтобы у вас было нормальное будущее. Мне много раз хотелось всё бросить, заняться чем-нибудь другим, уехать. Но у человека есть семья, есть обязательства. Пока дети растут, собственные желания приходится отодвигать.

Марина опустила бокал немного ниже, потому что рука устала. Она помнила те годы иначе, хотя спорить сейчас, конечно, не собиралась. Помнила, как сама по вечерам обзванивала клиентов, пока Антон засыпал на разложенном диване в соседней комнате; как забирала маленькую Лизу из садика и везла в офис, потому что дома оставить её было не с кем; как Олег однажды сидел на полу посреди недоделанной кухни и смеялся от усталости, а она кормила его бутербродами прямо с разделочной доски. Они оба многого хотели, оба уставали, оба строили эту жизнь. Но муж говорил сейчас о своих обязанностях, и Марина решила, что позже, когда дети разойдутся по комнатам, мягко напомнит ему о себе. Вдруг он просто волнуется сильнее, чем показывает.

- Ну, теперь-то можно немного выдохнуть, — заметила она, улыбнувшись мужу и чуть приподняв бокал. Ей хотелось вернуть разговор к сегодняшней радости и наконец выпить за дочь, которая уже несколько минут сидела с поднятой рукой. — Лизу поздравим, поедим. А осенью, если всё получится, съездим отдохнуть. Ты сам говорил, что пора.

Олег посмотрел на неё так внимательно, что Марина осеклась. В его взгляде не было ни согласия, ни той лёгкой улыбки, с которой он обычно принимал её попытки сократить длинный тост. Он будто ждал, когда она закончит, и теперь решил продолжить с того места, на котором его перебили. Антон отвёл глаза и потянул к себе салфетку. Марина заметила это движение краем зрения, но пока не придала ему значения. Ей стало немного неловко за своё вмешательство: возможно, муж собирался сказать дочери что-то важное, а она опять заговорила о еде и поездке.

- Я как раз об этом, Марина, — произнёс Олег и поставил бокал на стол, так и не выпив. Он некоторое время держал пальцы на ножке, затем отпустил её и посмотрел на детей. — Вы выросли. Антон работает, Лиза закончила университет. У вас свои планы, свои возможности. Я считаю, что теперь тоже имею право что-то изменить в собственной жизни. У меня есть женщина, с которой я хочу быть. Я собираюсь жить с ней.

Марина услышала каждое слово, но смысл сказанного почему-то не складывался. Она смотрела на губы мужа, на маленькую складку возле подбородка, на воротник его светлой рубашки и ждала продолжения, которое объяснит, что именно он имеет в виду. Олег часто начинал серьёзные разговоры издалека, порой неудачно шутил, мог произнести что-нибудь резкое, а потом удивляться чужой реакции. Сейчас следовало сказать ещё несколько слов, вернуть всё на место, хотя бы улыбнуться. Марина даже почувствовала, как её собственные губы пытаются сохранить прежнее выражение. Потом увидела лицо дочери и поняла, что Лиза тоже ждёт объяснения.

Нужно было поставить бокал, но Марина почему-то потянулась к блюду с мясом. Оно стояло рядом, привычное, горячее, требующее простого понятного действия. Она взяла большую ложку, отделила крайний кусок и положила на тарелку мужа, стараясь не задеть его приборы. Соус стекал слишком быстро, оставляя коричневую полосу на фарфоре, и она повернула ложку, чтобы капли не попали на скатерть. Ей казалось, если сейчас все начнут есть, разговор удастся остановить хотя бы на минуту. За эту минуту можно будет понять, что произошло, придумать правильный вопрос, перестать сидеть с нелепой улыбкой на лице.

- Пап, ты о чём сейчас? — спросила Лиза, медленно опуская бокал. Она поставила его слишком близко к краю, и Марина машинально подвинула стекло к середине стола свободной рукой. — Какая женщина? Ты что, уходишь от мамы? Сегодня решил нам это сказать?

- А когда это нужно говорить? — ответил Олег, глядя на дочь с тем терпением, которое всегда появлялось у него перед неприятным объяснением. Он чуть отодвинул тарелку с мясом, освобождая перед собой место. — Когда все по отдельности, чтобы потом начались звонки и пересказы? Мы собрались вместе. Вы взрослые, способны понять. Я никого не бросаю, вы остаётесь моими детьми. Просто мы с вашей матерью будем жить отдельно.

Ложка выскользнула у Марины из пальцев и ударилась о край блюда. Звук получился резким, неприятным; Лиза вздрогнула, а Антон наконец поднял голову. Марина хотела извиниться за этот звон, но язык словно перестал слушаться. Она смотрела на отодвинутую мужем тарелку и почему-то думала, что мясо сейчас остынет, а потом станет жёстким. Утром она долго выбирала кусок, просила продавца срезать лишнее, замачивала, переворачивала, пробовала соус на соль. Всё это было сделано сегодня, в тот самый день, когда Олег уже знал, что вечером объявит об уходе. Он спускался на кухню, открывал холодильник, спрашивал, во сколько приедет Антон, и знал.

- Подожди, — сказала Марина, обращаясь к мужу и всё ещё стараясь говорить обычным голосом. От собственного спокойного начала ей стало почти страшно, потому что внутри уже поднималось что-то тяжёлое и горячее. — Ты сейчас серьёзно? Я хочу понять, Олег. Ты пришёл домой, переоделся, открыл вино и сел с нами ужинать, чтобы сказать, что уходишь к другой?

Олег выдохнул и провёл ладонью по подбородку. Этот знакомый жест Марина видела сотни раз: так он реагировал на задержавшуюся доставку, на сотрудника, который снова что-то перепутал, на вопрос, показавшийся ему лишним. Теперь терпение требовалось из-за неё. От этого стало стыдно, хотя она ещё не понимала, за что именно должна стыдиться. В гостиной было душно, платье неприятно прилегало к спине, а на обожжённой руке вдруг снова начало щипать кожу. Марина убрала ладони под стол, чтобы никто не заметил, как у неё дрожат пальцы.

- Я понимаю, что тебе тяжело это слышать, — сказал Олег, чуть подавшись вперёд. Он говорил тише, словно старался не раздражать человека, который мог сорваться в любую минуту. — Но давай обойдёмся без спектакля. У нас давно всё шло к этому. Я встретил человека, с которым мне хорошо, и хочу хотя бы оставшуюся жизнь прожить честно. Мне пятьдесят три года, Марина. Сколько ещё я должен откладывать?

Лиза резко повернулась к нему, но Марина успела поднять руку, останавливая дочь. Ей необходимо было самой услышать ответ, и чужие голоса сейчас только мешали. Она искала в лице мужа привычного Олега — того, который мог среди ночи проснуться от её кашля, принести воды, сонно поворчать и прижать к себе под одеялом. Того, с кем они утром обменялись несколькими словами возле шкафа, обсуждая, какую рубашку ему надеть. Этот человек сидел рядом, на расстоянии вытянутой руки, и говорил о какой-то другой, давно существовавшей жизни. Марина попробовала вспомнить хотя бы один разговор, после которого могла бы понять, что их брак заканчивается. В памяти всплывали обычные ссоры, усталость, взаимные обиды, которые она считала частью общей жизни, но никакого решения уйти там не было.

- А мне когда ты собирался об этом сказать? — спросила она. В голосе наконец проступило то, что удерживать дальше не получалось, и Марина сама услышала, как жалко прозвучал вопрос. — Мне одной, Олег. Пока я не сидела перед детьми с бокалом. Ты ведь мог подойти ко мне утром, вчера, неделю назад. Или я должна была сама догадаться, пока готовила ужин?

- И что изменилось бы? — Олег развёл руками, задев манжетой нож. Он поправил прибор, прежде чем продолжить, и эта аккуратность заставила Марину стиснуть зубы. — Всё равно ты отреагировала бы точно так же. Я хотел сказать спокойно, чтобы мы могли дальше решать, как жить. Сейчас вместо разговора начинается выяснение, кто кому и в какой момент что должен был сообщить.

Лиза потянулась к матери и положила ладонь ей на предплечье. Марина вздрогнула от неожиданного прикосновения, потом накрыла дочерину руку своей. Ей отчаянно хотелось, чтобы Лиза оказалась маленькой, чтобы её можно было прижать к себе, увести из комнаты и объяснить, что взрослые просто поссорились. Но рядом сидела взрослая девушка, которая слышала каждое слово и смотрела на отца с выражением, которого Марина прежде у неё не видела. От мысли, что этот вечер навсегда останется в дочериной памяти, стало ещё больнее. Она сама обещала Лизе хороший праздник, звала домой, убеждала отложить встречу с подругами ради семейного ужина. Теперь дочь сидела возле остывающей еды и удерживала мать за руку.

- Ты же говорил про море, — произнесла Марина, снова повернувшись к мужу. Эта мысль казалась ей единственной твёрдой вещью среди происходящего, за неё хотелось ухватиться и предъявить как доказательство ошибки. — Во вторник. Я показывала тебе гостиницу, ты спросил, есть ли там нормальный пляж. Ты стоял у меня за спиной и говорил, что осенью надо ехать. С кем ты тогда собирался, Олег? Я ведь была рядом.

Он отвёл взгляд к открытому окну, и впервые за весь разговор Марина увидела в нём заметное раздражение. Ей захотелось заставить его смотреть на неё, потому что она сама сейчас не могла отвернуться ни на секунду. В голове настойчиво всплывала та кухня, светившийся экран телефона, его тёплая ладонь возле её шеи. Марина даже помнила, что лежало тогда на столе: раскрытая пачка печенья и нож, которым она резала яблоко. Она восстанавливала этот короткий разговор с мучительной точностью, надеясь найти в нём то, что позволит мужу одуматься. Если он сам вспомнит, как прикасался к ней, наверное, ему станет невозможно продолжать.

- Я сказал, что надо отдохнуть, — ответил Олег. Он взял бокал, повертел между пальцами и снова поставил на стол. — Это обычные слова, Марина. Люди разговаривают о поездках, о погоде, о чём угодно. Нельзя из каждого разговора делать обещание на всю оставшуюся жизнь. Нам с тобой в любом случае нужно какое-то время общаться нормально.

Марина почувствовала, как лицо заливает жаром. Ей захотелось напомнить ему и другие вещи, гораздо более личные, чем разговор возле телефона, но рядом сидели дети. Она посмотрела на Антона, на Лизу и захлопнула рот, словно могла таким движением удержать то, что уже подступало к языку. Олег заметил её заминку и, кажется, счёл её признаком того, что сумел объяснить свою мысль. Он немного откинулся на спинку стула. Марина увидела это облегчение и едва не вскрикнула: он действительно рассчитывал, что несколько ровных фраз помогут пройти через её жизнь, ничего особенно не задев.

- А целовать меня тоже нужно было, чтобы нормально общаться? — спросила она, всё-таки не сумев удержаться. Лиза убрала взгляд, и Марине сразу стало мучительно стыдно перед дочерью, но остановиться теперь было трудно. — Сегодня утром ты поцеловал меня перед тем, как уехать. Сам подошёл. Я стояла у шкафа, выбирала тебе рубашку. Ты прекрасно помнишь, потому что это было сегодня, Олег.

- Не надо обсуждать такое при детях, — резко ответил он и впервые повысил голос. Его ладонь легла на стол возле тарелки, пальцы расправились, словно он собирался придержать

что-то тяжёлое. — Ты сейчас хочешь меня обвинить в том, что я не обращался с тобой похамски? Мы прожили вместе много лет. Между нами есть привычка, есть уважение. Я должен был отталкивать тебя при каждом удобном случае, чтобы тебе было понятнее?

Марина отняла руку у дочери, потому что вдруг захотелось подняться и уйти. Она даже отодвинула стул, но ноги показались слабыми, и пришлось остаться сидеть, держась за край стола. Уважение. Муж произнёс это слово совершенно уверенно, глядя ей в лицо, и ожидал, что оно что-то объяснит. Она думала о нём утром, выбирая кусок мяса помягче, искала чистую рубашку, старалась к вечеру выглядеть красивой, а теперь всё это оказывалось неловкой помехой его новому счастью. Марина начала злиться по-настоящему, с той горячей, почти детской обидой, от которой хотелось немедленно что-нибудь разбить. Вместо этого она взяла салфетку и сжала её так крепко, что край впился в ладонь.

- Двадцать восемь лет ты называешь привычкой? — спросила она, наклоняясь к нему. Голос сорвался на последнем слове, и Марина сердито сглотнула, ненавидя эту слабость. — Ты жил со мной, растил детей, спал в нашей спальне, строил дом. Мы всё время что-то собирались делать вместе. Сколько из этого было привычкой? Скажи сейчас, раз ты решил быть честным.

Олег посмотрел на Антона, потом на Лизу. Марина проследила за его взглядом и внезапно поняла, что он ищет у детей подтверждения собственной правоты. От этого желание уйти исчезло: теперь ей хотелось остаться и услышать всё, что он приготовил для этого вечера. Она выпрямилась, отпустила смятую салфетку и перестала пытаться скрыть дрожь в руках. Олег некоторое время молчал, будто давал ей последний шанс прекратить неприятный разговор. Потом его лицо стало жёстче, а знакомая складка между бровями углубилась.

- Я с тобой остался только ради детей, — произнёс он. Каждое слово прозвучало отчётливо, без спешки, и Марина услышала, как рядом с ней шумно вдохнула Лиза. — Думал о том, в какой семье они вырастут. О том, чтобы у них были оба родителя, нормальный дом, спокойная жизнь. Я мог уйти гораздо раньше. Очень давно мог, Марина. Но считал, что обязан довести всё до конца.

Некоторое время Марина смотрела на него, пытаясь понять, что именно он назвал концом. Лизин университет, Антонову работу, их собственный брак — всё смешалось в одну тяжёлую, страшную мысль, от которой хотелось закрыть уши. Муж говорил о прожитых годах так, словно отбывал долгую неприятную обязанность. В этих годах Марина помнила другое: как они встречали Новый год в недостроенном доме, как Олег смеялся, пытаясь надеть крошечный носок на Лизину ногу, как они однажды весь вечер ехали под дождём и пели вместе с радио, чтобы не заснуть. Она была там, рядом с ним. Любила, злилась, мирилась, боялась за него, за детей, за их общую жизнь. Теперь ей предлагали признать, что во всём этом участвовала одна она.

- До какого конца, пап? — спросила Лиза, убрав руку со стола. Она уже не пыталась скрыть злость, но говорила осторожно, словно боялась, что мать не выдержит нового крика. — Я получила диплом, и теперь можно? Ты специально ждал сегодняшний день? Мы сюда приехали меня поздравить. Мама весь день готовила, ты это видел.

- Я и поздравил тебя, — ответил Олег, поворачиваясь к дочери. В его голосе снова появилась объясняющая интонация, от которой Марине захотелось зажать ладонями лицо. — И горжусь тобой. Но моя жизнь тоже чего-то стоит. Вы оба выросли, у вас всё впереди. Почему я должен дальше делать вид, что меня всё устраивает? Только потому, что вашей матери так удобнее?

Марина услышала собственный короткий смех и испугалась его. Это был неприятный, сорвавшийся звук, который совсем не вязался ни с её нарядным платьем, ни с праздничным столом. Удобнее. Она посмотрела на свои пальцы, на красную полоску ожога, выступившую из-под рукава, и вдруг вспомнила, как вчера отменила запись к парикмахеру, потому что нужно было закончить разговор с недовольной клиенткой. Потом заехала за продуктами, забрала

заказанную для Лизы коробку с серьгами, по дороге купила Олегу таблетки, которые он просил. Она сама соглашалась, сама привыкла считать всё это обычной заботой, но сейчас муж говорил о её удобстве с такой убеждённостью, будто годами обслуживал её прихоти.

- Удобнее? — переспросила Марина, и на этот раз голос прозвучал громко. Она отодвинула бокал, потому что боялась задеть его локтем. — Олег, ты вообще слышишь себя? Ты сидишь в нашем доме, за столом, который я накрыла, и рассказываешь детям, как тебе пришлось терпеть меня ради их спокойной жизни. А мне когда ты собирался сообщить, что я столько лет порчу тебе существование? Я ведь жила с тобой. Я тебя любила.

Последние слова она произнесла тише и сразу пожалела, что сказала их при всех. Они прозвучали слишком открыто, беззащитно, и Марина почувствовала, как по щекам наконец потекли слёзы. Она быстро вытерла лицо салфеткой, но остановить их уже не получалось. Олег смотрел на неё с тяжёлым терпением, а дочь, сидевшая совсем рядом, словно боялась снова прикоснуться. Марина не хотела, чтобы Лиза видела её такой, и от этого становилось только хуже. Хотелось спрятаться, умыться холодной водой, вернуться через несколько минут человеком, который способен говорить ровно. Но уйти сейчас означало оставить их втроём обсуждать её состояние, и она осталась.

- Мам, давай ты сначала его выслушаешь, — заговорил Антон. Он подался вперёд, положив локти возле своей тарелки, и попытался поймать её взгляд. — Я понимаю, что тебе тяжело. Но вы же оба имеете право нормально жить. Если между вами давно всё так, нельзя бесконечно держаться только за то, что вы много лет вместе. Мы с Лизой уже взрослые, вы сами должны решить, как вам дальше быть.

Марина повернулась к сыну. В первую секунду ей показалось, что она неверно расслышала, потому что Антон говорил слишком уверенно, будто продолжал разговор, начатый задолго до этого вечера. Он даже не спросил отца, что случилось, кто эта женщина, почему о ней объявляют за праздничным столом. Он сразу объяснял матери, как ей следует относиться к происходящему. Марина увидела его знакомые руки, маленький шрам возле большого пальца, оставшийся после детской неудачной попытки открыть консервную банку, и отчаянно захотела, чтобы сейчас заговорил её сын. Просто её Антон, которому она могла сказать, что ей больно и страшно. Но он сидел напротив с серьёзным взрослым лицом и подбирал для неё доводы.

- Если между нами давно всё как? — спросила она. Ей пришлось повторить начало, потому что голос снова сорвался. — Антон, я хочу понять, о чём ты говоришь. Ты слышал, что сейчас сказал отец? Он уходит к другой женщине. Я узнаю об этом вместе с вами. Или ты считаешь, что я должна сначала дослушать, чем ещё ему была неудобна?

Антон покраснел и посмотрел на отца. Марина заметила этот взгляд уже ясно, без прежней рассеянности, и почувствовала, как внутри всё неприятно сжалось. За последние месяцы отец с сыном часто переглядывались за столом, когда речь заходила о работе, о каком-нибудь общем знакомом, о вещах, в которых Марина якобы не разбиралась. Обычно она не обращала внимания. Теперь этот короткий обмен оказался страшнее длинной речи мужа, потому что в нём было что-то уже согласованное. Антон сдвинул тарелку, провёл ладонью по лбу и на несколько секунд замолчал.

- Я не это имел в виду, — сказал он наконец, обращаясь к матери. С прежней уверенностью говорить больше не получалось, и слова стали сбиваться. — Просто если вы уже обсуждали, что между вами всё закончилось… Папа сказал, вы давно живёте каждый сам по себе. Я думал, сейчас речь о том, как нам всем к этому привыкнуть. Я не знал, что ты…

Он оборвал фразу и опять посмотрел на Олега. Марина услышала, как Лиза резко втянула воздух, собираясь что-то сказать, но сама уже поднялась со стула. Ей пришлось опереться рукой о стол, потому что ноги затекли, а колени противно дрожали. Стоя было легче дышать. Она смотрела на сына сверху вниз и чувствовала, как слёзы высыхают на горячем лице. В

голове быстро, беспорядочно складывались последние две недели: Антон приезжал в офис, забирал у неё контейнеры с едой, спрашивал, во сколько соберутся на Лизин праздник. Она рассказывала ему о море, просила посмотреть гостиницу, потому что он лучше разбирался в отзывах. Сын тогда кивнул и сказал, что вечером глянет.

- Когда отец тебе это сказал? — спросила Марина, крепче упираясь ладонью в стол. Антон открыл рот, но Олег попытался вмешаться, и она впервые за вечер резко оборвала мужа. — Подожди. Я спрашиваю сына. Антон, посмотри на меня, пожалуйста. Когда вы разговаривали об этом?

- Марина, не надо устраивать допрос, — произнёс Олег. Он тоже выпрямился на стуле и отодвинул от себя бокал, будто готовился к затяжному неприятному спору. — Я имел право поговорить со своим сыном. Ты сейчас заставляешь его чувствовать себя виноватым в том, что происходит между нами. Именно поэтому я и хотел всё обсудить спокойно, без этих сцен.

- А я когда получила бы право узнать, что происходит между нами? — спросила она, повернувшись к мужу. Гнев помог произнести слова отчётливо, хотя от громкости собственного голоса Марине стало больно в горле. — После Антона? После той женщины? Когда бы дошла очередь до меня, Олег? Я здесь живу. Это моя семья. Ты утром ел завтрак напротив меня и мог сказать хоть слово.

Лиза встала рядом с матерью и отодвинула её стул подальше, чтобы та могла сесть, не нащупывая его ногами. Марина заметила это движение и испытала такой сильный приступ нежности, что на мгновение снова едва не расплакалась. Но садиться пока не хотелось. Она ждала ответа сына, а тот сидел, опустив голову, и мял между пальцами край бумажной салфетки. Его молчание растягивалось, становилось невыносимым. Марина вдруг поняла, что больше всего боится услышать не срок и не подробности разговора. Она боялась, что Антон сейчас снова начнёт объяснять ей, почему отец поступил правильно.

- Две недели назад, — сказал сын, наконец подняв глаза. Он выглядел растерянным, почти мальчишкой, и Марина почувствовала, как привычное желание немедленно облегчить его состояние сталкивается с собственной обидой. — Мы после работы разговаривали. Он сказал, что у него другая женщина, что вы с ним уже всё обсудили. Что ты понимаешь, просто тебе тяжело решиться. Я действительно думал, ты знаешь.

Марина медленно села. Стул оказался ближе, чем она ожидала, и край сиденья ударил под колени. Лиза потянулась к кувшину с водой, но мать покачала головой, не отрывая взгляда от сына. Две недели. За это время Антон успел дважды пообедать с ней в офисе, один раз заехать домой за документами и позвонить в воскресенье, чтобы спросить, как приготовить курицу, которую она ему передала. Она разговаривала с ним, смеялась, жаловалась, что отец опять оставил грязную чашку возле компьютера. Сын слушал, зная о другой женщине. Ему хватало отцовских слов о том, что мать всё понимает, хотя сама Марина продолжала строить планы и ждать общей поездки.

- Ты хотя бы спросил бы меня, — сказала она. Эта простая мысль оказалась больнее всех обвинений, которые ещё минуту назад хотелось выкрикнуть. — Антон, ты звонил мне почти каждый день. Ты мог спросить, как я. Что случилось. Почему мы с отцом решили разойтись. Я бы тебе ответила.

Сын закрыл лицо ладонью и сразу убрал её, словно испугался, что этот жест тоже будет воспринят как оправдание. Он начал говорить, что не хотел вмешиваться, что считал разговоры родителей их личным делом, что отец попросил дать матери время. Марина слушала, понимая каждое объяснение по отдельности и всё равно чувствуя себя преданной. Антон не придумывал историю о другой женщине, не выбирал сегодняшний вечер, не говорил ей жестоких слов. Но он поверил отцу настолько легко, что даже не заметил, как мать продолжала жить в совершенно другой семье. Марина посмотрела на дочь. Лиза стояла возле её стула, бледная,

с крепко сжатыми губами, и переводила взгляд с брата на отца, тоже пытаясь понять, сколько всего произошло без них.

- Я говорил с тобой, Марина, — вмешался Олег. В его голосе опять появилась усталость, словно ему в который раз приходилось повторять давно известное. — Может быть, не такими словами, но говорил. Ты предпочитала не слышать. Тебя устраивало, как мы живём, поэтому всё остальное можно было не замечать. Сейчас ты ведёшь себя так, будто это свалилось на тебя совершенно неожиданно.

Марина медленно повернулась к нему. Ей хотелось схватить мужа за руку и заставить почувствовать, как сильно её трясёт, потому что словами доказать собственное потрясение, оказывается, тоже было невозможно. Он сидел рядом и уверял детей, что она всё знала. Её слёзы, растерянность, вопросы о море — всё уже получало другое объяснение, удобное ему. Она представила, как этот вечер будет пересказан потом: мать снова не захотела слушать, устроила сцену на Лизином празднике, заставила Антона оправдываться. Олег даже не пытался скрыть, насколько ему легче говорить именно так. Он будто уже стоял в стороне от происходящего и наблюдал за её поведением, оценивая, достаточно ли оно разумно.

- Назови мне этот разговор, — попросила Марина, стараясь удержать голос. Она положила обе ладони на стол, чтобы больше не прятать дрожь и не пытаться выглядеть спокойнее, чем была. — Когда ты сказал, что у тебя другая женщина и ты собираешься с ней жить? Где мы были? Что я тебе ответила? Я хочу услышать, о чём мы с тобой договорились.

Олег отвёл взгляд и взял бутылку, словно собирался налить себе ещё вина, но почти сразу поставил её обратно. Он сказал, что бессмысленно сейчас восстанавливать каждую фразу и превращать семейный разговор в разбирательство. Марина ждала, пока он закончит, а потом ещё несколько секунд смотрела на него, надеясь услышать хоть что-нибудь конкретное. Муж молчал. Антон тоже больше не пытался объяснять матери, как ей следует жить дальше; он сидел, глядя на отца, и на его лице постепенно проступало понимание. От этого Марине стало немного легче и одновременно горше, потому что даже теперь, когда ложь сделалась очевидной, никто не мог вернуть ей время, в течение которого она одна ничего не знала.

На столе остывало мясо, возле Лизиной тарелки лежала нераскрытая коробочка с серьгами, которую Марина собиралась вручить после первого тоста. Она потянулась к ней, провела пальцем по ленте и убрала руку, не сумев придумать, как теперь поздравлять дочь. Вечер ещё продолжался: Олег сидел на своём месте, дети оставались рядом, за окном работала газонокосилка. Марина слышала, как Лиза тихо просит её выпить воды, и видела, что Антон хочет что-то сказать. Ей хотелось повернуться к ним, ответить, удержать хотя бы то, что ещё оставалось между ними, но сил на привычную заботливую улыбку больше не было. Она опустила глаза на смятую салфетку возле своей тарелки и впервые за все годы в этом доме не знала, к кому из сидевших за столом можно обратиться за помощью.

Глава 2. Ты уже выбрал мне квартиру

Лиза всё-таки налила матери воды и поставила стакан возле её руки. Марина взяла его, потому что дочь продолжала стоять рядом и ждать, но выпить сразу не смогла: край стекла неприятно стукнул о зубы. Пришлось опустить стакан и сделать медленный вдох, стараясь справиться с дрожью. За столом молчали. Олег смотрел в сторону открытой террасы, Антон водил пальцем по влажному следу от своего бокала, а Лиза, дождавшись, когда мать наконец отпьёт, вернулась на место. Она села осторожно, словно после сказанного отцом даже привычное движение стула могло причинить кому-то боль. Потом пододвинула к себе нетронутую тарелку, посмотрела на остывшее мясо и оттолкнула её обратно.

- Пап, а давно у тебя всё это? - спросила она, подняв глаза на Олега. Лиза говорила тихо, и Марина сразу почувствовала, сколько усилий стоит дочери этот ровный голос. - Ты сказал, что мог уйти очень давно. Сколько это? Год, два? Я хочу понимать, когда наша семья стала для тебя такой тяжёлой обязанностью.

Олег повернулся к дочери и некоторое время смотрел на неё с выражением человека, которого вынуждают объяснять очевидное. Марине захотелось остановить этот разговор, увести Лизу из гостиной, закрыть за собой дверь, но дочь ждала ответа, а муж явно собирался его дать. Он поправил манжету и сцепил пальцы на столе. В этом движении было столько привычной уверенности, что Марина вдруг разозлилась на его чистую рубашку, на ровный воротник, на то, как удобно он устроился перед собственной отодвинутой тарелкой. Она с трудом удерживалась на стуле, а Олег уже нашёл положение, в котором ему было легче беседовать.

- Если совсем честно, всё начало портиться ещё после твоего рождения, - ответил он. Лиза моргнула, будто что-то попало ей в глаз, но отец продолжил, глядя теперь на Марину. - Тогда стало понятно, что у нас разные представления о жизни. Твоя мать полностью ушла в детей, в дом, в какие-то бесконечные заботы. Разговаривать с ней о чём-то другом стало невозможно. Потом работа, компания, постоянная усталость. Мы постепенно превратились в людей, которые просто живут рядом.

Марина поставила стакан так резко, что вода плеснула на скатерть. Перед глазами возникла старая квартира, маленькая кухня с выцветшими занавесками и Лизина коляска, которую приходилось оставлять в коридоре, загораживая половину прохода. Она помнила ту усталость. Помнила, как засыпала сидя, пока дочь ела, как вздрагивала от каждого звука, боясь разбудить четырёхлетнего Антона, как однажды расплакалась возле стиральной машины, потому что не могла вспомнить, куда положила чистые пелёнки. Олег тогда приходил поздно, садился ужинать и сердился, если она встречала его жалобами. Марина считала, что они оба переживают трудное время. Оказывается, муж уже тогда начал отсчитывать годы своей испорченной жизни.

- После моего рождения? - переспросила Лиза. Она прижала ладонь к краю стола, будто собиралась встать, однако осталась сидеть. - А зачем вы тогда вообще решили меня родить? Вы же уже были взрослыми людьми, у вас был Антон. Если всё было настолько плохо, зачем понадобился ещё один ребёнок?

- Твоя мама очень хотела второго, - сказал Олег, помедлив всего несколько секунд. Он произнёс это почти буднично, словно речь шла о покупке, которую когда-то обсуждали и в итоге всё-таки сделали. - Я согласился. Наверное, тогда нам обоим казалось, что это поможет. Ты тут, конечно, ни при чём, Лиза. Я рассказываю, как складывались наши отношения.

Марина почувствовала, как к лицу приливает горячая кровь. Ей вдруг стало тесно за столом, в платье, в этом доме, где муж мог сидеть перед дочерью и с такой лёгкостью объяснять её появление на свет. Она смотрела на его губы и вспоминала совсем другие слова, произнесённые тем же голосом. Олег хотел девочку. Он говорил об этом, когда Антон ещё ходил в

детский сад, смеялся, что сын слишком быстро вырос, обещал, что со вторым ребёнком всё будет проще. Марина тогда боялась снова оставить работу, переживала из-за денег и тесной квартиры. Муж сам убеждал её, что они справятся, что он поможет, что у них обязательно должна быть дочь.

- Ты согласился? - спросила она и сразу услышала, как громко прозвучал её голос. Марина повернулась к Лизе, затем снова к мужу, желая заставить его вспомнить хотя бы что-нибудь из сказанного тогда. - Олег, ты сам меня уговаривал. Ты говорил, что хочешь девочку. Мы ещё жили на четвёртом этаже, без лифта, и я боялась, что снова останусь одна с коляской и маленьким ребёнком. Ты обещал, что будешь помогать. Ты мне это говорил, глядя в лицо.

Олег поморщился и провёл ладонью по столу, словно хотел убрать невидимые крошки. Марина помнила, как он принёс из магазина маленькие розовые носки, когда на осмотре им впервые сказали, что будет дочь. Эти носки долго лежали в коробке с детскими вещами, потом одна из резинок растянулась, и Марина выбросила их во время переезда. Сейчас ей мучительно захотелось достать ту коробку, найти хоть что-нибудь, что можно было бы положить перед мужем и заставить признать. Но коробки давно не существовало, носков тоже, а Олег мог просто покачать головой. Он уже делал это, медленно и устало, будто она опять пыталась убедить всех в чём-то нелепом.

- Ты слышишь, что с тобой происходит? - спросил он, откидываясь на спинку стула. Его взгляд на мгновение задержался на детях, и Марина с ужасом поняла, что он снова использует их присутствие. - Стоит сказать что-то, что тебе не нравится, ты начинаешь кричать. Мы сейчас будем вспоминать каждое слово, произнесённое двадцать лет назад? Ты хотела ребёнка, я был не против. Зачем превращать это в скандал?

- Потому что ты сейчас говоришь нашей дочери, будто она появилась на свет по моей прихоти, - ответила Марина. Она сжала пальцами мокрый край скатерти и почувствовала под ладонью холодную воду. - Ты радовался ей. Ты держал её на руках в роддоме и говорил, что она похожа на тебя. Ты всем звонил, Олег. Своей матери, моему отцу, друзьям. Не смей сидеть перед ней и делать вид, что я навязала тебе ребёнка.

Лиза резко отодвинула стул, и его ножки скрипнули по полу. Марина обернулась, надеясь удержать дочь возле себя, но та уже поднялась и потянулась к подоконнику за дипломом. Синий переплёт скользнул по листьям лилии, один цветок качнулся, рассыпая на белую рубашку жёлтую пыльцу. Лиза даже не посмотрела на пятно. Она прижала диплом к груди, как прижимала его, когда только приехала, и от этого повторившегося движения Марине стало так больно, что захотелось немедленно обнять её. Однако дочь стояла, отвернувшись к окну, и несколько секунд собиралась с силами, прежде чем снова заговорить.

- Я пойду наверх, - сказала Лиза, глядя на мать. Она попыталась улыбнуться, но губы только дрогнули, и пришлось опустить глаза. - Мне нужно переодеться. Мам, я потом помогу тебе убрать, хорошо? Только чуть позже. Сейчас я не могу здесь сидеть.

Марина поднялась вслед за ней, но Лиза едва заметно покачала головой. Это движение остановило мать сильнее любых слов. Дочери нужно было побыть одной, и Марина понимала это, хотя всё в ней противилось необходимости отпустить её сейчас наверх, в комнату с детскими книгами и старыми фотографиями. Лиза взяла из прихожей сумку, быстро прошла к лестнице и поднялась, стараясь ступать тихо. Через несколько секунд закрылась дверь. Марина смотрела на верхнюю площадку и представляла, как дочь кладёт диплом на стол, садится на край кровати и остаётся наедине с тем, что услышала от отца в день своего выпуска.

- Доволен? - спросила Марина, повернувшись к мужу. Она уже почти не сдерживала голос, и Антон поднял голову, словно собирался вмешаться. - Ты этого хотел сегодня? Поздравить её, рассказав, как мучился после её рождения? Ей двадцать два года, она всю жизнь считала, что мы её любили. Зачем ты вообще полез в это?

- Я её люблю, - раздражённо ответил Олег и тоже встал, отодвигая стул ногой. Он посмотрел в сторону лестницы, затем снова на жену. - Но ты сейчас специально всё передёргиваешь. Я сказал о наших отношениях, а ты немедленно заставила дочь почувствовать себя виноватой. Вот именно так у нас всегда и было: любое моё слово превращается в обвинение.

Антон поднялся почти одновременно с отцом. Марина ожидала, что сын снова начнёт уговаривать её успокоиться, и заранее приготовилась к новой обиде, но он обошёл стол и остановился возле Олега. На его лице проступило напряжение, которое она помнила ещё по школьным годам, когда сыну нужно было признаться в чём-то неприятном. Он несколько раз провёл ладонью по затылку, посмотрел на лестницу и заговорил тише. Марина осталась возле своего стула, держась за его спинку. Уйти на кухню сейчас означало оставить мужа с Антоном, и ей было страшно, что через несколько минут сын опять вернётся с готовым объяснением её неправильного поведения.

- Ты зачем мне сказал, что вы уже всё обсудили? - спросил Антон, глядя отцу в лицо. Он говорил с трудом, словно каждое слово нужно было проталкивать через стиснутые зубы. - Я же спросил тебя прямо, как мама. Ты ответил, что она понимает, что вы давно к этому шли. Я сегодня приехал и начал ей объяснять, как нужно относиться к разводу. Представляешь, как это выглядело?

Олег посмотрел на сына с недовольным удивлением. Марина знала этот взгляд: так муж реагировал, когда человек, которого он считал своим союзником, внезапно начинал задавать неудобные вопросы. Он взял со стола телефон, подержал его в руке, затем убрал в карман. Сын продолжал стоять перед ним, и Олегу пришлось отвечать. Он заговорил негромко, почти доверительно, однако Марина слышала каждое слово, потому что расстояние между ними было небольшим, а в доме наконец стало тихо. Даже соседская газонокосилка замолчала.

- Твоя мать давно всё понимала, - произнёс Олег. Он положил ладонь Антону на плечо, пытаясь вернуть разговору привычную близость. - Есть вещи, которые взрослые люди видят без специальных объявлений. Просто признавать их тяжело. Ты уже не мальчик, должен это понимать. Я рассчитывал, что ты поможешь всем пройти через это спокойно.

Антон убрал плечо из-под его руки. Марина заметила, как отец нахмурился, но сын уже отступил к своему стулу и взял лежавший рядом телефон. Он смотрел на экран, ничего не нажимая, потом сунул его в карман. Марине хотелось, чтобы он сказал ещё что-нибудь, окончательно заставил Олега признать ложь, однако по лицу сына было видно, что уверенности у него больше не осталось. Привычное уважение к отцу мешало ему злиться открыто. Он понимал, что произошло что-то дурное, но ещё пытался найти объяснение, которое позволило бы сохранить прежние отношения хотя бы с одним из родителей.

- Она не знала, - сказал Антон, наконец подняв глаза. Голос прозвучал глухо, и он сразу посмотрел на мать, словно боялся, что даже теперь говорит за неё лишнее. - Я видел, как она на тебя смотрела. Ты мог предупредить, что ещё не говорил с ней. Я бы тогда вообще сюда с этим разговором не полез.

Марина устало опустилась на стул. Ей хотелось одновременно прижать сына к себе и спросить, почему он так легко поверил отцу, но сил на ещё одно объяснение не было. В груди тяжело тянуло, болела голова, а влажный рукав платья неприятно прилипал к коже. Она посмотрела на нетронутые блюда и попросила Антона принести с кухни крышки, чтобы убрать еду. Сын немедленно пошёл выполнять просьбу, явно обрадовавшись возможности сделать хоть что-нибудь понятное. Они вместе поставили салаты в холодильник, переложили мясо в большую миску, убрали хлеб. Олег тем временем поднялся наверх, и вскоре оттуда донёсся звук открываемого шкафа.

Перед отъездом Антон задержался в прихожей. Он держал в руке ключи, перекладывал их с ладони на ладонь и всё смотрел на мать, будто ждал разрешения уйти. Марина понимала, что ему тоже тяжело, но сейчас не могла утешать его, убеждать, что он ни в чём не виноват, и

облегчать ему дорогу домой. Сын подошёл, неловко обнял её за плечи и тихо сказал, что позвонит завтра утром. Она кивнула и прижалась щекой к его футболке, позволив себе несколько секунд просто постоять рядом. Антон предложил остаться, однако Марина покачала головой: Лиза уже была наверху, а присутствие сына удерживало её в мучительной необходимости следить за каждым своим словом.

Когда дверь за Антоном закрылась, Марина услышала, как Олег спускается по лестнице. В руке у него была тёмная дорожная сумка, с которой он обычно ездил на два-три дня по делам. Из бокового кармана торчал край зарядного устройства. Марина смотрела на эту сумку и пыталась вспомнить, когда муж успел решить, какие вещи ему понадобятся в новой жизни. Наверху остались его костюмы, зимняя одежда, книги возле кровати, запасные очки в верхнем ящике. Он брал только то, без чего не хотел провести ближайшую ночь. Всё остальное могло подождать, потому что дом по-прежнему стоял на месте, а Марина оставалась в нём.

- Ты сейчас уезжаешь? - спросила она, хотя ответ был у неё перед глазами. Муж остановился возле тумбы, поставил сумку на пол и начал искать ключи в кармане. - После того, что сказал детям, просто собрался и поехал? Лиза там плачет. Ты хотя бы поговорить с ней собираешься?

- Сейчас она меня всё равно не услышит, - ответил Олег, доставая связку ключей. Он посмотрел на лестницу, но подниматься обратно не стал. - Пусть успокоится. Завтра или послезавтра я ей позвоню. Если останусь, мы до утра будем выяснять одно и то же. Лучше всем немного остыть.

Марина почувствовала такую сильную потребность остановить его, что испугалась самой себя. Ещё минуту назад ей хотелось, чтобы он ушёл, перестал говорить, перестал смотреть на неё с терпеливым раздражением. Теперь сумка у двери сделала его уход настоящим, и она вдруг представила пустую половину кровати, тёмный коридор, утро, в которое не нужно будет слушать, проснулся ли муж. Воображение сразу потащило её дальше, к другой квартире, чужой ванной, женщине, которая откроет ему дверь. Та женщина будет знать, что он сказал семье. Возможно, уже ждёт звонка, уже приготовила еду, которую он съест без всяких разговоров о спектакле.

- Ты к ней? - спросила Марина, стараясь не смотреть на сумку. Олег кивнул, и она почувствовала, как в горле снова становится тесно. - Ты хотя бы скажи, куда именно исчезаешь. Если с детьми что-то случится, если нужно будет тебя найти… Я не хочу потом звонить по всем знакомым.

Олег назвал улицу и номер дома, добавив, что телефон у него всегда с собой. Он произнёс незнакомый адрес легко, без попытки вспомнить, и Марина поняла, что бывал там достаточно часто. Муж потянулся к её плечу, но она отступила, задев спиной край тумбы. Прикосновение сейчас казалось невыносимым. Олег убрал руку, взял сумку и сообщил, что завтра днём приедет поговорить спокойно. Марина не ответила. Она стояла, пока он обувался, проверял карман и открывал дверь, а потом ещё некоторое время слушала, как снаружи хлопнула машина и по дорожке прокатился звук двигателя.

Дом сразу показался слишком большим. Марина прошла в гостиную, увидела на столе коробочку с серьгами и взяла её, прежде чем снова заняться посудой. Лента на крышке была чуть перекручена, и она осторожно поправила её ногтем. В магазине продавщица долго уговаривала выбрать другую упаковку, яркую, праздничную, но Марине понравилась эта, светлая, с тонким тиснением. Она представляла, как Лиза откроет коробочку после ужина, приложит серьгу к уху, попросит посмотреть, красиво ли. Теперь подарок лежал на ладони, маленький и совершенно неуместный среди оставшихся бокалов. Марина всё же понесла его наверх, потому что не могла позволить этому дню закончиться только словами Олега.

В комнате дочери горела настольная лампа. Лиза сидела на кровати, переодевшись в старую футболку, и смотрела на диплом, который положила поперёк коленей. Увидев мать, она

быстро провела ладонью по лицу и попыталась выпрямиться. Марина сделала вид, что не заметила этого поспешного движения, подошла и села рядом. Комната почти не изменилась с тех пор, как дочь начала жить отдельно: на полке стояли книги, возле зеркала лежала заколка с потемневшими бусинами, на стене висела фотография с летней поездки. На ней маленькая Лиза сидела у отца на плечах, обхватив его голову обеими руками. Марина отвела взгляд от снимка и протянула дочери коробочку.

- Я тебе подарок так и не отдала, - сказала она, положив его поверх диплома. Лиза посмотрела на ленту, потом на мать, и Марина почувствовала, что сейчас они обе опять расплачутся. - Выбирала те, на которые ты тогда смотрела. Помнишь, мы зашли после магазина с рубашками, а ты сказала, что сначала нужно найти работу, а потом уже покупать себе такие вещи. Я решила, что немного раньше тоже можно.

Лиза открыла коробочку и некоторое время молча смотрела на серьги. Затем осторожно закрыла крышку, отложила подарок на стол и обняла мать, прижавшись лицом к её плечу. Марина гладила дочь по волосам, чувствуя влажное тепло на ткани платья. Ей хотелось обещать, что всё наладится, что отец одумается, что они ещё смогут вспоминать сегодняшний вечер как тяжёлую ссору. Но после сказанного Олегом такие обещания прозвучали бы слишком легко. Она только повторила, что очень любит Лизу, что гордится ею, что сегодняшний диплом — её собственная заслуженная радость. Дочь кивала, не поднимая головы, и Марина понимала, что до неё сейчас доходит лишь малая часть этих слов.

Позднее, когда Лиза легла, Марина вернулась вниз. Торт так и остался нетронутым; она освободила для него полку в холодильнике, убрала последние тарелки и долго мыла липкий след от вина возле мужского бокала. Вода шумела слишком громко, зато за этим шумом можно было ненадолго перестать слышать собственные мысли. Сняв наконец платье, Марина повесила его на спинку стула в спальне и заметила пустое место возле раковины, где обычно стояла бритва Олега. Вот это небольшое отсутствие почему-то оказалось особенно болезненным. Муж ушёл, предусмотрительно забрав вещь, которая понадобится ему утром, а она всё ещё ловила себя на желании спросить, выключил ли он свет на террасе.

Ночь прошла тяжело. Марина несколько раз брала телефон, открывала переписку с мужем, доходила до последнего обычного сообщения про время ужина и снова откладывала аппарат. Ей хотелось написать что-нибудь короткое, такое, на что он обязательно ответит: спросить, добрался ли, сообщить, что Лиза уснула, напомнить о завтрашнем разговоре. Каждый раз она останавливала себя, представляя, как сообщение появится на экране в чужой квартире. Где-то рядом с ним будет другая женщина, и Олег, возможно, покажет ей телефон с тем самым усталым выражением, которое Марина видела за столом. Она перевернула подушку, легла на другой бок и до самого рассвета прислушивалась к дому.

Утром Лиза спустилась на кухню раньше, чем мать ожидала. У неё припухли веки, волосы были собраны в небрежный хвост, а новые серьги она так и не надела. Они вместе сварили кофе и сели возле окна, где вчера Марина представляла совсем другой разговор. Дочь спросила, приедет ли отец, и, услышав ответ, предложила остаться. Марина очень хотела согласиться, но одновременно боялась снова говорить с мужем при Лизе. Ей нужно было хотя бы раз посмотреть ему в лицо без детей, без необходимости сдерживать вопросы, от которых становилось стыдно.

- Побудь сегодня с Аней, - попросила она, пододвигая дочери тарелку с тостом. Лиза даже не потянулась к еде, и Марина убрала руку, чтобы не настаивать. - Я позвоню тебе вечером. Мы поговорим с отцом, потом я расскажу. Ты и так вчера слишком много услышала, не нужно сидеть здесь и ждать, когда всё начнётся снова.

Лиза не сразу согласилась. Она несколько раз спрашивала, точно ли мать справится одна, помогла убрать со стола и только потом поднялась собирать вещи. Перед уходом дочь забрала диплом и коробочку с серьгами, а на торт посмотрела так, словно не понимала, что теперь с

ним делать. Марина отрезала большой кусок для Ани, завернула его и положила в отдельный пакет. Это простое действие немного успокоило их обеих: появился повод поговорить о том, не потечёт ли крем в дороге, как лучше держать коробку и куда убрать цветы. У двери Лиза снова обняла мать и задержалась в объятиях. Марина проводила её до калитки, затем вернулась в дом и сразу посмотрела на часы.

Олег приехал после полудня. Он открыл дверь своим ключом, вошёл с пакетом из магазина и поставил его на кухонный стол так привычно, что Марина на мгновение забыла, откуда он вернулся. В пакете были молоко, хлеб и персики, которые она любила. Муж сказал, что заехал по дороге, спросил, дома ли Лиза, и, услышав, что дочь уехала, заметно расслабился. На нём была другая рубашка, а волосы ещё сохраняли следы воды после душа. Марина посмотрела на влажную прядь возле виска и тут же отвела глаза. Ей было тяжело думать о том, где именно он мылся, куда положил полотенце и кто видел его утром до того, как он приехал сюда.

- Кофе сваришь? - спросил Олег, доставая из пакета продукты. Он поставил молоко возле холодильника и посмотрел на неё, ожидая обычного ответа. - Я с утра толком ничего не ел. Давай спокойно сядем, без вчерашнего. Нам всё равно нужно договариваться.

Марина машинально достала две чашки. Рука сама нашла мужскую, с небольшим сколом возле ручки, которую Олег не позволял выбросить, потому что привык к ней. Она поставила чашки рядом и только потом поняла, что снова выполняет привычную просьбу человека, пришедшего обсуждать, как ему удобнее уйти. От этой мысли захотелось убрать обе обратно, но Марина уже налила воду и нажала кнопку. Ей было стыдно за собственную готовность обслуживать его и одновременно страшно нарушить ту слабую видимость обычного утра, которая возникла с его приходом. Пока Олег сидел на кухне и ждал кофе, ещё можно было представить, что вчера произошло какое-то ужасное недоразумение.

Он достал телефон, открыл несколько страниц и положил аппарат перед ней. На экране была светлая комната с узким диваном, шкафом у стены и окном, выходящим на парковку. Марина посмотрела на фотографию, не понимая, зачем муж её показывает. Олег провёл пальцем, сменив снимок: появилась маленькая кухня, затем ванная с коричневой плиткой и прихожая, в которой одновременно могли стоять разве что два человека. На последнем снимке виднелся балкон с металлическими перилами. Муж приблизил изображение, показывая что-то возле окна, и заговорил тем деловитым голосом, которым обычно объяснял клиентам преимущества выбранного решения.

- Есть хороший вариант для тебя, - сказал он. Марина подняла на него глаза, но Олег продолжал смотреть на экран. - Однокомнатная, чистая, без больших переделок. Район нормальный, магазины рядом, до работы недалеко. В доме лифт, балкон застеклён. Хозяйка переезжает, поэтому с продажей тянуть не собирается. Можно договориться довольно быстро.

Марина взяла телефон и вернулась к первой фотографии. Комната показалась ей ещё меньше, чем сначала, потому что теперь она пыталась представить там собственные вещи. Кресло из спальни встало бы прямо перед шкафом, книги пришлось бы куда-то убирать, а для Лизы, если та захочет остаться на ночь, места почти не оставалось. Она провела пальцем по экрану и снова увидела кухню с короткой рабочей поверхностью. На столе стояла единственная чашка, возле плиты лежало сложенное полотенце. Марина вдруг с неприятной ясностью поняла: муж уже представил её жизнь без него, выбрал подходящий размер комнаты, расстояние до магазина, количество нужного ей пространства. Самой Марине оставалось посмотреть фотографии.

- Ты уже выбрал мне квартиру? - спросила она, медленно кладя телефон на стол. Олег взял чашку, подул на кофе, и Марина заметила, что руки у него совершенно спокойны. - Вчера ты впервые сказал, что уходишь. Сегодня показываешь, где я буду жить. Ты когда успел это посмотреть?

- Я заранее подумал, как всё устроить, - ответил он. Муж сделал глоток и поставил чашку на блюдце, не отводя от неё взгляда. - Было бы хуже объявить о разводе и оставить тебя вообще без понимания, что дальше. Я хочу, чтобы у тебя было нормальное жильё и чтобы мы не потратили год на скандалы. Ты ведь тоже должна представлять, как будешь жить.

Марина оглянулась на свою кухню. Здесь всё было выбрано ею: цвет стен, широкая столешница возле окна, полки, до которых можно было дотянуться без табуретки, глубокий ящик для тяжёлой посуды. Когда строили дом, Олег несколько раз предлагал сделать проще, а она упрямо объясняла, почему ей нужно именно так. Потом он привык, находил в шкафах нужную чашку с закрытыми глазами, знал, где лежат салфетки и какой ящик нужно придерживать, чтобы он не стукнул. Вчера за этим столом они ещё сидели вчетвером. Теперь муж рассматривал её как человека, которому достаточно одной комнаты, небольшой кухни и магазина поблизости.

- А дом? - спросила Марина, стараясь произнести вопрос без дрожи. Она положила ладонь на край стола, потому что ей было трудно сидеть неподвижно. - Ты хочешь, чтобы я просто собрала вещи и переехала туда? А ты останешься здесь? Я правильно понимаю, Олег?

- Одной тебе такой дом ни к чему, - сказал он, слегка пожав плечами. Его удивляло, что приходится объяснять и это. - Здесь постоянно что-то нужно делать, следить за участком, за отоплением, за всем остальным. Дети живут отдельно. Зачем тебе столько комнат? Квартира будет удобнее, ты сама потом поймёшь.

Марина несколько секунд смотрела на мужа, чувствуя, как возвращается вчерашняя злость. Он объяснял ей, сколько пространства потребуется для оставшейся жизни, с той же уверенностью, с какой раньше решал, какую машину лучше купить или куда поставить новый шкаф. Ей хотелось спросить, почему он считает её уже одинокой навсегда, но даже мысль о другом мужчине сейчас казалась чужой и почти непристойной. Она всё ещё любила сидевшего напротив человека, и именно поэтому его рассуждения причиняли такую боль. Олег уже расположил её в маленькой комнате, убрал из будущего общие вечера, детей за большим столом, привычные праздники. Марина пока не могла представить даже ближайшую ночь.

- Я сама решу, что мне нужно, - произнесла она, хотя уверенности в голосе было меньше, чем хотелось. Олег чуть заметно нахмурился, и Марина поспешила продолжить, боясь опять потерять возможность договорить. - Мы вместе строили этот дом. Я здесь живу. У меня здесь всё. Ты говоришь так, будто я приехала к тебе погостить и теперь должна освободить место.

Олег поставил чашку дальше от себя и потянулся к телефону. Марина подумала, что он сейчас уберёт фотографии и хотя бы признает, что поторопился, но муж открыл страницу с ценой, подвинул экран обратно и начал объяснять, что квартира хорошая, что другие варианты в этом районе дороже, что он готов взять на себя все хлопоты. От его деловитости становилось всё хуже. Она не просила подбирать ей жильё, не обсуждала переезд и не соглашалась отдать дом. Между тем Олег говорил так, словно основные решения уже приняты и осталось убедить её в мелочах. Марина перестала смотреть на экран, чтобы не дать ему продолжать этот разговор в предложенном порядке.

- А компания тоже останется тебе? - спросила она. Вопрос вырвался сам, потому что теперь ей нужно было понять, насколько далеко муж успел всё продумать. - Я в твоём плане вообще где, кроме этой квартиры? На работу я должна приходить как раньше? Отвечать людям, договариваться, исправлять то, что ты пообещал, а потом возвращаться в свою комнату?

- Работу можно пока не менять, - ответил Олег. Он говорил осторожнее, чем минуту назад, но в самой сути своего предложения явно не сомневался. - Ты знаешь клиентов, привыкла к порядку. Зачем сейчас одновременно переворачивать всё? А компания — это отдельный вопрос. Я её создавал, я за неё отвечаю. Ты помогала мне, Марина, и я это ценю, но не нужно делать вид, будто мы занимались одним и тем же.

Марина почувствовала, как у неё сводит челюсть. Перед глазами возник маленький стол в съёмном помещении, где она впервые принимала заказы, пока Олег ездил по встречам. Она помнила старый телефон, который приходилось заряжать дважды в день, тетрадь с адресами, Лизу, уснувшую под её пальто на стульях. Помнила женщину, которая полтора часа кричала из-за задержки, и то облегчение, с которым Олег вечером узнал, что Марине удалось её успокоить. Он тогда обнял жену и сказал, что без неё давно бы сошёл с ума. Теперь вся эта работа уместилась в короткое слово, которое позволяло мужу оставить ей лишь ту благодарность, какую он сам сочтёт достаточной.

- Ты мне эту работу сам оставлял, - сказала Марина. Она смотрела прямо на него, забыв о необходимости говорить мягче. - Ты уходил, а я оставалась разговаривать с людьми. Ты обещал, а я потом звонила и объясняла, почему не получилось. Когда нужно было задержаться, задерживалась я. Когда Лиза болела, я отвечала на звонки из дома. Это тоже было удобно считать помощью?

- Вот, опять начинается подсчёт, - Олег отодвинул стул и встал, хотя уходить пока не собирался. Он прошёл к окну, постоял, глядя в сад, затем обернулся. - Мы прожили вместе много лет, каждый что-то делал. Я же не предъявляю тебе счёт за всё, что заработал. Мне хотелось решить спокойно, по-человечески. Если ты собираешься превратить это в борьбу за каждый рубль, будет гораздо тяжелее всем.

Марина опустила взгляд на свои руки. Она понимала, что муж сейчас пытается заставить её оправдываться за вопросы, которые сама ещё не успела толком обдумать. Ей было страшно спорить о деньгах, о доме, о работе, потому что каждое такое слово приближало развод к чему-то окончательному. Пока они говорили о чувствах, ещё оставалась надежда, что Олег одумается. Обсуждение квартиры делало его уход похожим на дело, которое можно завершить, поставив несколько подписей и перевезя вещи. Марина вдруг захотела спросить о женщине, из-за которой всё это происходило. Ей нужно было представить её живой, услышать имя, понять, что такого нашёл муж там, где его теперь ждали.

- Как её зовут? - спросила она, подняв голову. Олег остановился возле окна, и по его лицу Марина поняла, что этого разговора он хотел бы избежать. - Вчера ты говорил просто о женщине. Сегодня уже выбираешь мне квартиру. Скажи хотя бы, кто она. Я имею право знать, к кому ты ушёл после нашего семейного ужина.

- Юля, - ответил Олег после короткой паузы. Он вернулся к столу, но садиться не стал. - Юлия Кравцова. Тридцать пять лет. Ты её не знаешь, мы раньше нигде вместе не встречались. Я не понимаю, зачем тебе подробности, Марина. От них тебе легче не станет.

Марина услышала возраст и невольно посмотрела на свои пальцы, лежавшие возле чашки. Тридцать пять. В этом возрасте она уже пережила первую измену Олега, снова поверила ему, растила детей, работала и старалась не возвращаться к тому, что едва не разрушило их семью. Теперь рядом с мужем была женщина на четырнадцать лет моложе, и Марина никак не могла заставить себя перестать сравнивать. Она подумала о своей шее, о складке возле рта, о платье, которое вчера сидело чуть плотнее, чем раньше. Муж ещё ничего не сказал о её внешности, а она уже начала искать в собственном теле объяснение его ухода. От этого стало так обидно, что захотелось ударить ладонью по столу.

- Сколько вы вместе? - спросила она, стараясь не дать ему уйти от ответа. Олег посмотрел на часы, и Марина почувствовала новый приступ злости. - Не смотри туда. Ты сам приехал разговаривать. Я хочу знать, сколько времени ты возвращался сюда от неё и делал вид, что у нас обычная жизнь.

- Около полутора лет, - произнёс он и сел обратно. Теперь в его голосе появилась жёсткость, которой прежде он пытался избежать. - Я давно обещал ей определиться, но не хотел делать этого, пока Лиза учится. Дочь закончила университет, получила диплом. Антон рабо-

тает. Я выполнил всё, что должен был сделать, и больше не собираюсь заставлять другого человека ждать бесконечно.

Марина медленно провела ладонью по лбу. Значит, вчерашний вечер был для него заранее выбранной датой, после которой можно выполнить обещание другой женщине. Пока Лиза готовилась к защите, мать беспокоилась, высыпается ли дочь, а Олег ждал, когда закончится срок его обязательств. Марина вспомнила, как обсуждала с ним праздничный ужин, спрашивала, удобно ли будет Антону приехать в субботу, предлагала пригласить ещё кого-нибудь. Муж сказал тогда, что лучше посидеть только семьёй. Она обрадовалась, решив, что ему тоже хочется тихого домашнего вечера. Теперь оказалось, что он заранее выбрал людей, перед которыми собирался объявить себя свободным.

- Ты ей обещал наш Лизин выпускной? - спросила Марина, и голос прозвучал так тихо, что Олегу пришлось наклониться. Она сглотнула и повторила яснее: - Ты ждал, когда дочь получит диплом, чтобы можно было наконец уйти? Поэтому тебе обязательно нужно было сказать вчера? Даже один вечер для неё оставить не получилось?

- Я ждал подходящего момента, - ответил муж. Он поднял ладонь, предупреждая новое возражение, но Марина уже не собиралась перебивать. - Его никогда не бывает, понимаешь? Сначала учёба, потом работа, потом ещё что-нибудь. Так можно прожить всю жизнь. Юлия тоже человек. Она имеет право понимать, что у нас будет дальше.

Марина смотрела на него и думала о том, что Юлия это право уже получила. Ей объяснили, когда Олег уйдёт, чего ждёт, почему задерживается, какие обязательства считает важными. С ней он обсуждал будущее полтора года. Марине оставалось узнавать обо всём за праздничным столом и наутро рассматривать выбранную для неё квартиру. Ревность поднималась тяжёлая, унизительная; хотелось расспросить, что он говорил той женщине, жаловался ли на жену, смеялся ли вместе с ней над домашними привычками. Марина остановила себя, потому что понимала: сейчас каждый ответ только добавит новых образов, которые потом будут стоять перед глазами ночью.

Она попросила несколько дней ничего не решать. Просьба далась трудно, почти со стыдом, словно нужно было объяснять мужу, почему человек не способен за одно утро согласиться на новую жизнь. Марина сказала, что не поедет сегодня смотреть квартиру, не станет обсуждать переезд и не хочет, чтобы он назначал какие-либо встречи от её имени. Олег вздохнул, но согласился. В его согласии она тут же попыталась найти что-то обнадёживающее: может быть, он тоже понимает, что поторопился, может быть, ещё способен увидеть её состояние. Марина ненавидела себя за эту готовность цепляться за любое смягчение, однако избавиться от неё пока не могла.

Перед уходом Олег задержался возле стола и посмотрел на недопитый кофе. Он сказал, что постарается в ближайшие дни поговорить с Лизой, а потом попросил Марину не настраивать детей против него. Она почувствовала, как внутри опять всё вспыхивает, но сил спорить уже не было. Муж забрал телефон, проверил ключи и вышел в прихожую. Марина не пошла провожать его к машине, осталась возле окна и смотрела, как он садится за руль. На этот раз он уезжал без сумки, налегке, как после обычного короткого визита. Когда машина скрылась за воротами, Марина поняла, что всё время его присутствия прислушивалась к малейшему изменению голоса, надеясь услышать хотя бы сомнение.

К вечеру она устала так, словно весь день занималась тяжёлой работой. Несколько раз звонили дети: Антон спрашивал, как прошёл разговор, Лиза осторожно предлагала приехать. Марина отвечала коротко, потому что не хотела пересказывать им предложения отца и снова делать их участниками происходящего. Она заставила себя поесть, поставила в холодильник купленное Олегом молоко и долго смотрела на пакет с персиками. Муж помнил, какие фрукты она любит, знал, что нужно купить домой, и одновременно уже выбрал ей другую квартиру.

Марина взяла один персик, подержала в ладони, потом положила обратно. Есть его почему-то оказалось невозможно.

Елене она позвонила, когда за окном начало темнеть. Сестра ответила быстро, обычным бодрым голосом спросила, как отметили Лизин выпускной, и начала рассказывать, что видела присланную фотографию. Марина слушала, прижав телефон к уху, и никак не могла произнести первые слова. Елена заметила молчание, перестала говорить и позвала её по имени. От этого знакомого голоса, в котором уже появилось беспокойство, у Марины наконец сорвалось дыхание. Она села на край дивана, наклонилась вперёд и закрыла лицо свободной рукой.

- Лен, Олег уходит, - сказала она. Слова прозвучали непривычно, хотя муж повторял их со вчерашнего вечера. - У него другая женщина. Он вчера сказал при детях, а сегодня приехал и начал выбирать, куда меня переселить. Я не знаю, что делать. Я даже не понимаю, с чего начинать.

Елена несколько секунд молчала, затем спросила, одна ли Марина и где сейчас дети. Марина рассказала про ужин, про Антона, который знал заранее, про Лизу, поднявшуюся к себе после отцовских слов. Сестра слушала, изредка задавая короткие вопросы, и от этого становилось немного легче говорить. Марине впервые за два дня не приходилось доказывать, что она действительно ничего не знала и имеет право быть потрясённой. Елена не просила её успокоиться, не объясняла, что взрослые люди иногда расходятся, не пыталась немедленно найти хорошие стороны случившегося. Она просто слушала, а потом тихо выругалась, когда Марина рассказала о предложенной квартире.

- Он и тогда очень убедительно всё объяснял, - сказала Елена, помолчав. В её голосе появилась осторожность, с которой говорят о старой ране, не зная, можно ли к ней прикасаться. - Шестнадцать лет назад, когда ты приехала ко мне с детьми. Помнишь, как он просил тебя вернуться? Ты ведь уже тогда начала собирать другую жизнь. Я думала, после того случая он хотя бы поймёт, что может тебя потерять.

Марина крепче прижала ладонь ко лбу. Она помнила всё, хотя много лет старалась редко возвращаться к тому времени. Помнила чужую квартиру, где Елена раскладывала для детей постели, помнила собственную злость, страх, неожиданное облегчение от нескольких дней без Олега. Потом он приехал, говорил с ней, обещал, и она поверила, потому что очень хотела верить. Сейчас рядом с новой болью поднималась старая, давно убранная подальше, и Марина чувствовала, что не выдержит их одновременно. Ей нужно было хотя бы несколько минут просто слышать голос сестры, не пересматривая всю прожитую жизнь.

- Я помню, Лен, - ответила она, вытирая щёку тыльной стороной ладони. Голос стал глухим, и пришлось откашляться, прежде чем продолжить. - Только давай сейчас туда не будем. Я пока не могу. Мне и сегодняшнего хватает. Поговори со мной ещё немного, пожалуйста. Расскажи что-нибудь, только не клади трубку сразу.

Елена осталась на связи. Она рассказала о работе, о сломанной стиральной машине, о соседке, которая снова перепутала этаж, возвращаясь из гостей. Марина слушала, иногда отвечала, даже сумела ненадолго улыбнуться. Постепенно перестало сводить горло, и она смогла встать, пройти на кухню, налить себе воды. Перед прощанием сестра сказала, что приедет, если понадобится, и попросила ничего не обещать Олегу в ближайшие дни. Марина кивнула, забыв, что Елена её не видит, потом тихо поблагодарила. Когда разговор закончился, она ещё некоторое время держала телефон у уха, не желая сразу возвращаться к тишине дома.

Сообщение от мужа пришло почти сразу. Марина увидела его имя на экране и почувствовала, как сердце неприятно дёрнулось от надежды. Она успела подумать, что Олег, возможно, решил спросить, как она, или хотя бы написать о Лизе. Пальцы торопливо открыли переписку, и несколько секунд Марина смотрела на строки, не понимая, почему их смысл так сильно отличается от того, чего она ждала. Олег написал: «Поговорил с Юлей. Она не против

подождать несколько дней, пока ты определишься. За дом не переживай, ничего переделывать она не собирается. Я показывал ей фотографии, ей всё понравилось, особенно кухня».

Марина перечитала сообщение, затем ещё раз, задержавшись на словах о нескольких днях. Она просила мужа дать ей время прийти в себя, а он обсудил эту просьбу с другой женщиной и вернулся с её разрешением. Юлия уже видела комнаты, выбирала, что ей нравится, представляла себя в доме. Марина подняла глаза от экрана и посмотрела на кухню: возле раковины сохла чашка Олега, на стуле лежало полотенце, на холодильнике улыбалась Лиза с дипломом. Здесь всё ещё находились её вещи, её продукты, её следы сегодняшнего дня. Телефон погас в руке, но Марина продолжала видеть перед собой последнюю строку и впервые с полной ясностью представила, как чужая женщина открывает знакомый ящик, достаёт чашку и зовёт Олега завтракать.

Глава 3. Ты обещал начать сначала

Фотографию, на которой Юлия сидела за столиком ле

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.